

время игралищем злобы людей, некогда мною любимых», автобиографична и раскрывает переживания писателя после возвращения его в Россию из путешествия.

Наряду с личными переживаниями во второй части повести «Сиерра-Морена» отразился также идейный кризис, пережитый Карамзиным подобно многим русским дворянам, в связи с событиями Французской революции. Еще в августе 1793 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою. Бегу в густую мрачность лесов, но мысль о разрушенных городах и погибели людей везде теснит мое сердце». ¹⁶

По-видимому, эти впечатления 1793—1794 гг. и отразились в тираде о «безумии» людей в «Сиерре-Морене»: «Безумные существа, человеками именуемые! я вас оставил! Свиристуйте в лютых своих иступлениях, терзайте, умерщвляйте друг друга!». Этот подтекст размышлений о событиях Французской революции связывает «Сиерру-Морену» не только с перепиской Мелодора и Филалета в той же второй книжке «Аглаи», но также с позднейшими статьями Карамзина («Lettre au Spectateur sur la littérature russe», 1797, и статьи в журнале «Вестник Европы»).

Подведем итоги. Повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» — творческая переработка испанской баллады и яркий образец лирической прозы русского романического направления конца XVIII в. Экзотический сюжет о трагической любви Эльвиры и Алонзо сплетен с судьбой романического бесприютного скитальца, от имени которого ведется рассказ. Следует подчеркнуть, что в отличие от романтиков (Бюргера, Жуковского и др.) Карамзин отвергает фантастику и вмешательство сверхъестественных сил в развязку. Элегическим колоритом овеяна концовка: рассказчик, разочарованный во всем, ищет приюта в «вечном покое», в «тихом безмолвии». Историко-философский подтекст второй половины повести и ее лиризм предвещают некоторые лучшие страницы русской повествовательной прозы середины XIX в.

¹⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 42.